

H. D. F. KITTE, The Greeks, L., 1951, 256 стр.; R. H. BARROW, The Romans, L., 1949, 224 стр.

Обе рецензируемые книги относятся к серии так называемых «Pelican books». Цель этой серии определяется, например, в предисловии к книге Бэрроу следующим образом: «эта книга не является историей Рима, хотя она включает в себя и исторические сведения, это не очерк латинской литературы, администрации, права и т. д... многие из проблем римского мира — это проблемы сегодняшнего дня, а некоторые речения, которые предложили древние, удивительно современны... Книга написана с той точки зрения, что изучение прошлого жизненно важно для понимания нас самих... Применить эти выводы читатель, если захочет, может сам, — материал в его руках» (стр. 1). Сразу же отметим, что нельзя принимать последнее замечание всерьез и представлять себе дело таким образом, будто авторы, предоставив в распоряжение читателя обильный фактический материал, сами беспристрастно отходят в сторону. Как раз наоборот, авторы рецензируемых книг дают минимальное количество и самым тенденциозным образом подобранного фактического материала, но зато выводы навязываются читателю в изобилии.

Книга профессора Бристольского университета Китто делится на 12 глав. Половина из них посвящена вопросам происхождения греческого народа, истории образования, развития и упадка греческого полиса. В остальных главах автор касается различных вопросов духовной жизни греков, литературы, философии, религии и т. д. Именно последний круг вопросов Китто считает наиболее важным. И действительно, на первой же странице автор предупреждает, что тема книги «не то, что греки сделали, а что они собой представляли и, в частности, каковы были те особенности их ума и образа жизни, которые сделали их цивилизацию и культуру такими, какими они стали».

Греческий народ, утверждает Китто, был совершенно новым явлением в семье человечества. Хотя более древние восточные цивилизации часто были исключительно плодотворны в практических вещах, но интеллектуально они были бесплодны (стр. 8). У них «не было литературы; эпическая поэзия, история, драма, философия во всех ее отраслях, математика и много отраслей естествознания — все это начинается с греков» (стр. 9).

Здесь мы, во-первых, встречаем у Китто столь распространенную в современной буржуазной историографии расистскую «теорию» о делении человечества на «Восток» и «Запад» и об интеллектуальном превосходстве второго над первым. Во-вторых, цель этого априорного и лживого заявления состоит в том, чтобы выделить главную, по мнению Китто, и самую характерную особенность греческого духа — его «интеллектуализм». Смысл понятия «интеллектуализм», по видимому, не вполне ясен и для самого автора. По мнению Китто, «секрет греческого чуда» (автор имеет в виду быстрый и блестящий расцвет греческой цивилизации. — *М. Р.*) состоит в том, что здесь произошло смешение двух рас и двух культур: «средиземноморской расы» (критяне и доллинские обитатели Греции) и греческой (ахейцы и доряне). Минойское искусство было блестящим, чувственным, изящным, но не интеллектуальным. Интеллектуализм, а также интерес к человеку и его целям — это свойство греческого духа. «Смешение породило смесь — новый народ с дарами обоих родителей» (стр. 25). Итак, первой особенностью, отличающей греков от варваров, были особые свойства греческого духа. Вторая особенность — это полис — чудо греческой формы управления. Но и то, что у греков утвердилось именно эта форма управления, также зависело от их духа и характера. Китто признает исторические, географические и другие причины возникновения полисов в Греции, но считает, что даже «приведа их все, мы должны будем прийти все же к заключению, что самая важная причина из всех просто та, что греки предпочитали именно такой образ жизни» (стр. 67). Истинное объяснение — это «опять-таки характер греков» (стр. 69). О действительной сущности полиса, как специфической форме рабовладельческого государства, как организации рабовладельцев, вызванной необходимостью держать в повиновении рабов, — Китто умалчивает. Вопросы эконо-

мики, социальной и классовой борьбы неизменно остаются вне поля зрения автора. Например, ранний расцвет Ионии, по мнению Китто, является скорее результатом ионийского характера и темперамента, чем более развитой стадии цивилизации (стр. 84).

Ионянам автор противопоставляет дорян. Пока ионийские мыслители, «руководимые только их собственными индивидуальными велениями разума, искали новых путей в философии, доряне оставались массивно-традиционными в своих идеях и внешности, так же как в архитектуре... Вообще ионяне и доряне представляли в очень чистой форме две противоположные концепции, динамическую и статическую, индивидуалистическую и „коммунальную“, центробежную и центростремительную» (стр. 88). Все эти выспренные рассуждения нужны Китто только для заявления, что в Афинах эти противоречия, опять-таки в результате смещения и слияния различных культур, нашли примирение. Отсюда совершенство афинской культуры и искусства, отсюда способность афинян сочетать ионийскую свободу и блеск индивидуальности с дорийскими чувствами дисциплины и сплоченности. Вскользь коснувшись общественного строя Спарты, отметив консерватизм спартанцев, но похвалив их за то, что они стойко придерживались своего идеала, так как «хотя это был узкий идеал, но все же идеал», Китто переходит к Афинам и в дальнейшем уже не расстается с ними. Афиняне, считает Китто, несомненно имели «гений государственности». Если политическая система могла преобразовать жизнь граждан так, как афинский полис сделал это в VI—IV вв., то «это должно, конечно, приписать политическому гению народа», который изобрел ее (стр. 98). Наиболее важным проявлением этого гения было всеобщее стремление афинян участвовать в общественных трудах, причем «привилегированный класс поддавался убеждениям и, в целом, лояльно выполнял решения народа» (там же). Верный себе Китто снова в качестве решающего фактора, определившего развитие политической жизни Афин, выдвигает расовое смещение. В данном случае игнорирование экономических и социальных мотивов делается вполне сознательно и с вызовом марксистам. Например, охарактеризовав положение в Аттике после Солона, Китто продолжает: «Было недовольство, но, с одной стороны, марксистские законы еще не были приняты, а с другой стороны, афиняне имели идею, что общее благо важнее, чем партийные выводы, будучи, может быть, в этом отношении, если не в других, чем-то похожи на британскую расу» (стр. 101).

После реформ VI в. и небольших дополнительных преобразований афинский строй, по мнению Китто, стал настолько демократическим, насколько этого может достигнуть человеческий ум. «Найдя» однажды сходство между афинянами и британцами, автор настойчиво продолжает эту параллель. В этом отношении характерно следующее рассуждение Китто (стр. 108). Высокая культура должна, исторически говоря, происходить из аристократического класса, но если аристократия сохраняется слишком долго, то она становится сперва истощенной, а затем глухой. Здравый смысл афинян привел к тому, что афинская аристократия в целом чистосердечно вошла в демократический строй, когда ее *ἀρετή* была еще энергичной. Контраст — позднейшая Франция. Аналогия — Англия. Одна из причин, почему XVIII век в Англии был столь цивилизованным, по заявлению Китто, состояла в том, что здесь не было резкого деления между верхушкой среднего класса и аристократией, так что культура второй одновременно была усвоена первой. И «афинская культура V в. точно так же сумела сочетать серьезность и солидность доброго буржуазного общества с элегантностью, тонкостью и бескорыстием аристократии» (стр. 109). Китто то и дело сравнивает Афины с «доброй старой Англией». Например, в период после персидских войн для Афин открылись огромные возможности, и «здесь можно провести параллель с Англией после 1688 года» (стр. 117). Или: «В торговле Афины, как и Лондон, использовали свою репутацию честности и здравого смысла» (стр. 117) и т. д. Возможность подобных сравнений для Китто широко открыта именно потому, что для него не существует специфики античного мира, как особого этапа в социально-экономическом развитии общества, основанного на отношениях рабства. Не признает он поэтому и специфического характера афинской рабовладельческой демократии. Даже в Афилах, считает он, рабство не было базой экономической жизни полиса (стр. 133).

В то же время симпатии Китто к Афинам позволили ему подойти к некоторым чертам афинской демократии с относительной объективностью, отличающей его от многих собратьев по перу. Такова, например, оценка афинской гелиеи, которая «была в общем честным, бескорыстным судом» (стр. 119). Китто правильно расценивает мотивы осуждения Сократа и смысл оплаты за исполнение государственных должностей (стр. 136) и т. д. Афинская демократия, считает Китто, была экспериментом демократического управления, и эксперимент в общем оказался удачным (стр. 130).

Идеалистическая концепция Китто проявляется особенно ярко в трактовке причин падения полиса (глава IX). Полис, по мнению Китто, пал не в результате простого истощения сил вследствие войны и т. д. Основная причина разложения полиса — в том, что «смелые философские спекуляции VI и V вв. стимулировали исследования в различных областях и возникло много таких идей, которые серьезно пошатнули моральные устои» (стр. 165). Сократ показал, что традиционная мораль не вытекает из логики, не основана на ней; вера людей в эту мораль была подорвана. Поэтому и вера в полис также пошатнулась, ибо «как мог полис воспитывать людей в духе добродетели, если неизвестно, что такое добродетель» (стр. 166). Вопреки всякой очевидности, Китто, путая причины и следствия, настойчиво сводит все развитие к развитию или деградации духовных и моральных ценностей. Сначала особенности характера грека обусловили возникновение полиса; позже, «вопреки здравому смыслу» (стр. 79), грек не мог пожертвовать полисом с его живой и интересной жизнью ради более крупного, но менее интересного объединения, а в конце концов новые идеи пошатнули моральные устои общества и испортили греческий характер, и это привело полис к гибели (стр. 70). В период эллинизма полис оказался поглощенным огромной империей, а греки превратились в «расу блестящих индивидуалистов и оппортунистов» (стр. 70).

Главы: «Греческая мысль», «Миф и религия», «Жизнь и характер» не представляют никакого интереса. Автор называет одну за другой все новые и новые «черты» характера и затем тенденциозно подобранными примерами (из Гомера, трагедий, сочинений философов и т. д.) подтверждает их наличие у древних греков и у современных. Если факты не укладываются в схему, они попросту приносятся ей в жертву. Фалес и Анаксимандр иллюстрируют, например, такую черту греческого духа, как «универсализм», а пифагорейзм, по мнению Китто, был связан со склонностью греческого ума считать мир логичным и симметричным (стр. 191). О борьбе между материализмом и идеализмом в древнегреческой философии не упоминается, конечно, ни единым словом. Наоборот, Китто постулирует, что греки именно тем и отличались коренным образом от варваров и христиан, что не делали разрыва между телом и духом, физическим и духовным (стр. 173). В отношении столь явного идеалиста, как Платон, Китто выходит из затруднения очень просто: «У Платона его деление на тело и душу, это — не типично греческая идея» (стр. 173). Однако, в противоречии с самим собою, несколько ниже Китто ставит философию Платона в преемственную связь с Сократом и, как и следовало ожидать, объясняет его философию вершиной греческой мысли (стр. 194).

В последней главе — «Жизнь и характер» столь же поверхностно и тенденциозно рассматриваются различные стороны общественной и частной жизни афинян. Так, политическое бесправие женщин, по мнению Китто, объясняется попросту особенностями физических условий жизни в Афинах.

Подведем некоторые итоги. На первый взгляд, создается впечатление, будто Китто не хочет вмешиваться в «политику». Он не ищет в Афинах промышленного пролетариата или крупного производства и т. д. (впрочем, в буржуазной историографии эта тенденция конца XIX в. все больше выходит из моды) и не преподносит прямым образом извлеченных из античности рецептов лечения недугов капитализма. Но, взглядевшись внимательно, мы скоро убеждаемся, что аполитичность Китто только кажущаяся. Прежде всего вся его концепция насковзь реакционна. Китто стремится доказать, что все прошедшее, настоящее и будущее народа определяется отнюдь не развитием социально-экономических факторов, а изначально заложенными в этом народе интеллектуальными и моральными расовыми качествами и инстинктами, со-

ставляющими «дух» или «характер» народа. Не социальные противоречия, не классовая борьба движут общественное развитие, а идеи, творимые этим народом и влияющие на народный характер. Изменения характера, в свою очередь, проявляются в изменениях социальных, экономических и т. д. Вывод, к которому Китто приводит своего читателя, очевиден: у каждого народа свой характер, а следовательно, и свой собственный путь развития. И поэтому не следует одному народу надеяться повторить путь другого. Выше мы приводили уже ядовитое замечание Китто насчет «марксистских законов» и вывод его относительно сходства британской расы с афинянами, поскольку для обеих «общее благо» важнее, чем партийные интересы. Подобных замечаний у Китто много. Например, доказывая, что афиняне по складу своего характера не могли согласиться на то, чтобы предоставить гражданство союзникам, а те по той же причине не приняли бы этот дар, Китто, «глубокомысленно» заявляет: «Факт, что за все приходится платить, и вот есть много вещей, желательных самих по себе, за которые, однако, цена слишком высока. Некоторые из наших политиков мечтали о полностью планируемой и национализированной экономике, но цена за это была — управление трудом. И англичанин с его странной привязанностью к личной свободе отказался заплатить эту цену» (стр. 120). Образец ханжества и лицемерия! Как будто Китто не знает, что дело тут не в странностях характера англичан и что, если бы не заправили английского капитала, а действительно английский народ решал бы судьбы своей страны, то Англия давным давно вступила бы на путь социализма.

Иногда в такой же скользкой манере Китто пытается дать советы не только англичанам. Именно так следует понимать его «смутные намеки» на сходство обстоятельств Греции IV в. до н. э. и современной Западной Европы, которая пытается «нащупать путь к какому-то более обширному объединению» (стр. 158). Это объединение, мол, диктуется «здравым смыслом», так как увеличило бы «безопасность жизни без заметного увеличения ее скуки» (стр. 79). Но «современная Европа, несмотря на общность культуры, общие интересы и легкость сообщений находит трудным принять идею ограничения национального суверенитета». Здесь сквозь дымку отвлеченных рассуждений явственно проглядывают ослиные уши Атлантического пакта.

*

Так же как и у Китто, книга Бэрроу, автора известной книги «Slavery in the Roman empire» (1928), начинается с утверждения, что «одной только силой характера Рим завоевал свое место в Средиземноморье». Благодаря своему характеру Рим стал выше старых цивилизаций, которые окружали его и «наложили свое клеймо на новые нации Европы, которые выросли из его империи» (стр. 1).

Выдвинув тезис о роли римского характера, Бэрроу приступает к анализу последнего. Из числа добродетелей, составляющих характер римлянина, основной Бэрроу считает *pietas*, которую он определяет как религиозное чувство субординации, послушания, покорности по отношению к высшей силе божества, идеи или человека (стр. 9). Подчинение имело добровольный характер, и поэтому римлянин сознавал, что он не только орудие этих высших сил, но что между ними существуют отношения сотрудничества в достижении высших целей (стр. 10). Отсюда Бэрроу выводит идею о «призвании», которую можно проследить в римском сознании с древнейших времен и которая на высшей ступени осознается как «миссия» римского народа (стр. 10). Это чувство призвания, эта «миссия» и были движущей пружиной в истории римлян, достигнув высшей точки в идее империи (там же).

Во II, III и IV главах Бэрроу дает краткий обзор истории Рима до конца II в. В этой части книги, пожалуй, наиболее примечательно отношение автора к завоевательной политике Рима. Вопреки историческим фактам Бэрроу утверждает, что Рим никогда не стремился к завоеваниям. Вокруг него были державы более старые, более опытные, многие из них «были честолюбивы», а «угрозы по адресу союзников Рима были угрозами и самому Риму, и, говоря вообще, он шел воевать, чтобы ликвидировать эти угрозы» (стр. 33). Во II в. до н. э., по мнению Бэрроу, Рим «окружает все более расширяющуюся сферу своих интересов все более широким кругом буферных госу-

дарств, связанных обещанием не нарушать мир, пытается установить мир, стремится освободить города, хрянящие культуру, которой он начал искренне восхищаться» (стр. 38). Но его усилия предполагали такие качества в Востоке, которыми тот не обладал, и «в 146 г. Рим был вынужден в интересах доброго порядка и мирной торговли захватить Македонию и Грецию» (там же). Затем «и Египет, который тоже был спасен вмешательством Рима, признал его господство» (там же). Точно так же на западе походы Цезаря в Галлию Бэрроу объясняет стремлением обезопасить италийскую границу в западных Альпах, а походы Августа — тем, что надо было включить в империю и германские племена, которые угрожали империи. Рим был по натуре великодушен (стр. 53). Он боролся за то, «чтобы проложить мирные пути..., дать людям блага прочного порядка и безопасности жизни и имущества» (стр. 42 сл.). Перед нами редкий даже для продажной буржуазной науки образец наглой и совершенно беззастенчивой фальсификации истории. Рим, приносящий мир и блага цивилизации народам Востока и защищающий жизнь и собственность покоренных народов! Ни слова нет у Бэрроу о грабежах наместников, о хищничестве римских публиканов, о продаже в рабство миллионов невинных людей, об уничтожении Сиракуз и Коринфа. Правда, после всех своих похвал великодушию Рима Бэрроу несколько ниже вынужден отметить, что сенат в I в. был эгоистическим и заботился только о наполнении своих карманов путем эксплуатации провинций (стр. 54), а еще спустя несколько страниц косвенным образом признает, что политика республиканского Рима в отношении провинций была политикой эксплуатации (стр. 58).

Переходя к описанию политического строя Рима, Бэрроу преподносит нам новое откровение: «Римляне предпочитали терпеть очевидные аномалии и нелепости... Они испытывали больше счастья, приспосабливая к новым нуждам старые институты, освященные традицией, чувством, практикой» (стр. 44). I век до н. э. был «веком крупных личностей», но и они, стремясь изменить машину управления таким образом, чтобы поднять ее до новых целей, терпеливо сохраняли старые составные части. Поэтому главная проблема конца республики и состояла в том, что центральная власть была слишком слаба для того, чтобы контролировать провинциальных правителей, так как коллегиальность ослабляла власть центральных магистратов, в то время как проконсулы в провинциях были единовластны. Правда, они должны были ежегодно сменяться, но народ сам стал продлевать им срок правления, поддерживая своих фаворитов; «здесь-то и кроется причина падения республики» (стр. 58).

Эту же проблему конца республики Бэрроу рассматривает в плане борьбы двух концепций: эллинистических идей и римского духа. Сципион Старший представлял собой образец римлянина, воспринявшего дух «Илиады», и идеал Александра Македонского, и греческую идею о том, что историю «делают» честолюбивые люди, а Катон был борцом за старые римские принципы. В этой борьбе различных интересов, идей и принципов «римское общество было разорвано на куски». На одной стороне были «старые аристократические идеалы, строгая нравственность, служение государству, незапятнанная честь и т. д.», а с другой — «был народ, часто чужой крови и без наследственных традиций или гордости, который был готов кормиться за государственный счет или продать свой голос бессовестным политикам» (стр. 74). Человеком, который объединил это разорванное на куски римское общество, был Август. Август для Бэрроу совершенно идеальный правитель, он не находит в его деятельности ни одного темного пятна. Август разрешил все проблемы, стоявшие в конце республики. Его здравый смысл привлек к нему средние слои общества, еще здорового внутри, и он набрал из них честных администраторов и провинциальных управителей. В конце концов, «усилия его почти привели к единству человечества с помощью западных идей о человеческой личности и упорядоченной свободе» (стр. 83).

Не приходится говорить о том, насколько лживой и тенденциозной является подобная трактовка событий конца республики, перехода к принципату и личности Августа. Превознесение Августа и вообще культ сильных личностей типичны для буржуазных историков Западной Европы и еще больше — для американских.

В главах о римской литературе, философии, науке Бэрроу везде прослеживает

влияние римского духа. В области литературы это влияние, например, определило серьезный характер и дидактическую направленность. Правда, Бэрроу признает, что латинская литература была способна и на шутку и на сарказм, но, «повидимому, все это не было строго римское, а обязано своим происхождением итальянскому наследию или народам провинций» (стр. 117).

Причинами кризиса III в. Бэрроу считает местнические настроения в отдельных, особенно варваризированных, областях и нажим варваров извне. Установление доминанта он связывает с тем, что императорами стали выходцы из Балканского полуострова, где было велико влияние Востока.

Христианству посвящена особая глава. Происхождение христианства Бэрроу толкует вполне в духе церковной традиции. Апостол Павел рассматривается как реальное историческое лицо, и Бэрроу восторженно именует его величайшим римским гражданином I века (стр. 194). «Моментальное и внезапное изменение в отношении между государством и христианством при Константине, — заявляет Бэрроу, — не может быть объяснено как неизбежное следствие достаточных причин» (стр. 188). Изменение было внесено одним человеком (Константином. — *М. Р.*), чей характер не подходит под шаблон этого века, чьи убеждения были его собственными убеждениями (стр. 189). Римский император идентифицировал себя с христианской церковью и принял на себя миссию распространения христианства среди язычников. Таким образом, идея древних римлян о том, что судьбы Рима связаны с божественной силой, идея о миссии Рима проявились вновь с новой силой. А затем явился Августин Блаженный и показал, что нет связи между римской историей и римским характером, с одной стороны, и старой языческой религией — с другой. «Если бы Августин избрал другой путь, история, может быть, приняла бы другое течение» (там же).

В книге Бэрроу мы нигде не найдем анализа экономического развития Рима, мы ничего не узнаем о социальных противоречиях в римском обществе или, например, о социально-экономических предпосылках падения республики, возникновения христианства или о классовой борьбе миллионов римских рабов. Бэрроу совершенно ясно дает понять, что, по его мнению, все эти факторы не играют никакой роли в истории. О римском народе в тех случаях, когда имеются в виду подлинные народные массы, а не ходячее воплощение римских *virtutes*, Бэрроу отзываясь с величайшим пренебрежением. История народа, по Бэрроу, это история присущих духу этого народа идей, это история саморазвития или трансформации, борьбы и взаимодействия этих идей с другими идеями, чуждыми данному народу. И творцами истории являются выдающиеся личности, носители этих идей, вроде Сципиона или Катона, Августа, Константина или Августина. Концепция Бэрроу — идеалистическая, реакционная и далеко не блестящая новизной. Но в его интерпретации она приобретает свои специфические особенности. Бэрроу открыто ставит свою концепцию на службу реакционному английскому империализму. Именно поэтому так превозносится экспансия Рима и замалчивается ее захватнический хищнический характер, слишком живо напоминающий повадки английского империализма. С этих позиций трактуются и остальные вопросы римской истории.

В широких народных массах британской империи, задавленных классовым и колониальным гнетом и эксплуатацией, зреет протест против несправедливости буржуазного общества. Рядовой англичанин или житель колоний упорно ищет разрешения мучающих его проблем, и издатели «Pelican books» указывают ему на книгу Бэрроу: «Знакомый круг вопросов: отношение между государством и личностью, свобода и государственный контроль, польза и вред империи, цивилизация отсталых народов... — эти и многие другие темы читатель найдет в истории, которую написал римский характер». И читатель действительно найдет в книге Бэрроу эти вопросы... и ответы, услужливо подготовленные путем подтасовки и фальсификации исторических фактов. Отношение между государством и личностью? В начале книги, подчеркивает в заключительной главе автор, было обращено внимание читателя на чувство субординации, характеризующее римский дух. В течение тысячелетий римляне сохраняли это чувство, и никакая другая нация не произвела империи, столь обширной и столь основательно

гуманной. Через послушание (obedience) пришло могущество (стр. 218). Свобода и государственный контроль? Взгляните на империю при Диоклетиане! Вот до чего довел человека государственный контроль, подавивший частную инициативу! Кстати, аналогичный смысл имеет, конечно, замечание Китто насчет планирования английской экономики. Польза и вред империи? И на это дает ответ история Рима, которая показывает, какие великие блага мира и безопасности обрели народы, вошедшие под сень империи. Наконец, цивилизация отсталых народов? Но именно в сообщении более высокой цивилизации и состояла «благородная миссия» римской империи. К таким выводам подводит Бэрроу своего читателя.

Так уясняется цель серии «Pelican books» в целом и в рецензируемых двух книгах — в частности. Они адресованы к массовому читателю, мало разбирающемуся в вопросах истории, к тому, кто, как говорит Китто, «затруднился бы сразу сказать, кто был раньше: Солон или Перикл». Книги этой серии выполняют задачу, которая поставлена перед всей буржуазной наукой силами международной реакции: обработать ум этого читателя в нужном для нее направлении. Для достижения этой цели буржуазные ученые не брезгают никакими методами: ни фальсификацией исторической действительности, ни подтасовыванием фактов, ни грубой модернизацией истории. Рецензируемые две книги представляют типичные образцы в этом отношении. Они представляют, кроме того, еще и некоторый специальный интерес, потому что обе написаны английскими буржуазными авторами. В свое время на страницах ВДИ помещались рецензии на соответствующие американские и французские издания. Здесь мы видим реакционную английскую модификацию фальсификации истории.

М. И. Рижский

ВРЕМЯ КОНСТАНТИНА В ОСВЕЩЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Среди проблем, продолжающих привлекать особенно пристальное внимание буржуазных историков, одно из первых мест занимает история первой половины IV в. Сам по себе интерес к этому периоду вполне объясним. Период чрезвычайного обострения кризиса системы рабской эксплуатации и интенсивного развития колоната, несомненно, заслуживает всестороннего обследования. Круг вопросов, связанных с изучением этого времени, чрезвычайно обширен. Не говоря об упомянутой коренной проблеме упадка рабства и развития колоната, перед исследователем встает вопрос о все более назревавшем развале громадной Римской империи. Большой интерес приобретает и вопрос о попытках использования христианской церкви в качестве средства укрепления господства рабовладельцев. Наконец, актуален вопрос о движениях угнетенных масс и вторжений соседних народов — сил, которые в следующем столетии покончили с рабовладельческим строем на значительной части территории Римского государства.

Однако повышенный интерес современных буржуазных исследователей к этому времени проистекает из совершенно иных источников. В нашей литературе уже подвергались критическому анализу отдельные работы буржуазных историков о Константине: А. П. Каждан останавливался на книге Холзэппла «Константин Великий» и разоблачал попытки этого американского историка возродить католическую традицию в вопросе об отношении Константина к христианству¹. Однако так называемому «константиновскому вопросу» (la question constantinienne) посвящает свои исследования ряд других нынешних историков на Западе. Ознакомление с их работами свидетельствует о все более широком распространении в их среде

¹ ВДИ, 1950, № 1, стр. 170—172.